

Джиоева М. Г.

О некоторых особенностях выражения поля темпоральности в поэзии М. А. Волошина

Большинство исследователей творчества М.А. Волошина сходятся во мнении, что на его поэзию оказали большое влияние философия, мифология и культура античности, а также восточные религии, оккультизм, антропософия и - в меньшей степени - христианство. Во всех этих философских, религиозных и культурных системах одно из ключевых мест принадлежит категории времени. Совершенно естественно, таким образом, что все творчество М. Волошина отмечено особым, специфическим отношением ко времени, основанным на синтезе различных временных представлений. И это не только время художественного произведения в том смысле, в котором обычно используется данный термин. Это еще и особая, только для Волошина характерная, "включенность" в контекст геологического и исторического времени Земли. Волошинское понимание времени весьма сложно и неоднозначно. Как отмечает В. Б. Жарких, "Волошин как мыслитель не мог удовлетвориться обыденным взглядом на время, который даёт образ бегущей в одном направлении реки - неизвестно зачем и откуда истекающей и почему и куда уходящей" [7, с. 51]. Основные моменты волошинской интерпретации категории времени сводятся к следующему: 1) время дискретно и состоит из мгновений; 2) вечность мыслится как полнота времён; 3) прошлое, настоящее и будущее являются не реальностью, а лишь способом познания бытия; реальность сквозит через них, и она цельна; 4) носителем цельности является память. Материальным выражением памяти являются следы. В 1912 г в статье "Константин Богаевский" М. Волошин писал: "Художник, пишущий портрет, только тогда сможет воссоздать лицо человека, когда разберёт и передаст всю совокупность внешних и внутренних знаков, оставленных на нём стилетом времени. Такой портрет становится историческим... Точно так же исторический пейзаж стремится стать историческим портретом земли. Лицо земли складывается геологически, так же, как человеческое лицо - анатомически, и точно так же определяется морщинами, шрамами и ранами, оставленными на нём стихиями и людьми: знаками мгновений". Это высказывание о живописи, однако оно предельно точно характеризует и всё поэтическое творчество Волошина. В стихотворении "Дом поэта" есть такие строки:

Я принял жизнь и этот дом, как дар
Нечаянный, мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлён землёю.

Эта "усыновлённость" землёй, единство с ее прошлым, настоящим и будущим, а точнее, неразделённость времени земли на прошлое, настоящее и будущее с исключительной яркостью воплощена в лирике Волошина.

Однако для лингвиста представляет интерес не только восприятие волошинской лирики "во времени", но и те приёмы, с помощью которых это восприятие достигается. Прежде всего это временная лексика. Стихотворения разных лет очень различны с точки зрения наполненности временной лексикой, но, независимо от этого, ощущение временной доминанты всегда одинаково. В этом отношении показательны два цикла стихотворений: "Когда время останавливается" и "Киммерийская весна". Первый, более ранний, цикл чрезвычайно насыщен временной лексикой и образами времени. Во втором же ее количество относительно невелико. Попытаемся проследить некоторые закономерности употребления лексики, обозначающей время, в стихотворениях этих циклов.

Известно, что при анализе литературного произведения необходимо учитывать тот историко-литературный фон, на котором оно создавалось. Как отмечает И. Т. Куприянов, М. Волошин, не будучи последователем ни одной из литературных школ своего времени, все же испытал значительное влияние символизма. Особенно заметно это влияние в более раннем цикле "Когда время останавливается". Здесь время предстаёт как одушевлённая сущность :

Вечность лишь изредка блещет зарницами.

Время порывисто дует в лицо.

Годы несутся огромными птицами.

Можно здесь увидеть также противопоставление времени и вечности в духе христианской теологии:

Вечность лишь *изредка блещет зарницами*.

Время порывисто дует в лицо.

Вечность - нечто отстранённое, надбытийное, то, что лишь даёт знаки, знамения ("изредка блещет зарницами"). Время же непосредственно воздействует на человека ("порывисто дует в лицо"). Вообще же для этого цикла, как, впрочем, и для всей поэзии того времени, характерно ощущение разомкнутости, разорванности, нестабильности окружающего мира, его дискретности и неединичности. В этих условиях, вероятно, только время служит связующей нитью бытия, но и оно претерпевает различного рода трансформации. Земное разорванное время противопоставляется вечности; в вечности ищется возможность его соединить.

Не случаен в связи с этим образ нити :

Я люблю в себе следить

Жутких мыслей и пороков

Нас связующую *нить*.

(“По ночам, когда в тумане...”);

Память - неверная *нить* Ариадны -

Рвётся в дрожащих руках.

и

Сорваны цепи, оборваны звенья -

Смерть и Рожденье - вся *нить* бытия.

(“Быть заключенным в темнице мгновенья...”)

Однако расхожая метафора *нить бытия* приобретает ещё один смысл в контексте этого стихотворения. Две метафоры - *нить Ариадны* и *нить бытия* - дают образ времени-лабиринта (подробно об этом будет сказано дальше). Собственно слово *нить* не является показателем времени. Но в данных контекстах в структуре слова *нить* произошла актуализация периферийной семы “протяжённость”. Подобные трансформации происходят и в семантической структуре слов *смерть* и *рождение* и соотносительных глаголов *умереть* и *родиться* :

Все мы уж умерли где-то давно...

Все мы ещё не *родились*.

(“Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо...”)

Сорваны цепи, оборваны звенья -

Смерть и *Рожденье* - вся нить бытия.

(“Быть заключённым в темнице мгновенья...”)

Здесь бытие представлено как единство двух точек на индивидуальной временной оси каждого человека - смерти и рождения. В данных лексико-семантических вариантах слов *смерть* и *рождение* актуализировалась сема ‘временная точка’, не отражённая в словарных формулировках. Правда, МАСом зафиксирован оттенок значения слова *рождение* : “момент появления на свет”. Для слова *смерть* подобное значение не выделяется. Между тем в словаре В. И. Даля дано следующее толкование: “Смерть - *конец* земной жизни...”.

Кроме того, в приведенных отрывках можно усмотреть отражение фольклорных представлений о рождении и смерти как о перемещениях не во времени, а в пространстве, а также, возможно, и отголоски представлений восточных религий.

Примером недифференцированного использования показателей линейного и циклического времени служит следующий отрывок:

По ночам, когда в тумане

Звезды в небе время ткут,

Я ловлю разрывы ткани

В *вечном* кружеве *минут*.

(“По ночам, когда в тумане...”)

Е. С. Яковлева в работе “Фрагменты русской языковой картины мира” отмечает зависимость функционирования временной лексики в художественном тексте от ее принадлежности к линейной или циклической модели времени. Здесь противопоставления показателей линейного и циклического времени не прослеживается. (“в вечном кружеве минут”). Более того, эти *минуты* уже в следующей строке названы *мгновениями* (“Я ловлю мгновенья эти”). А в слове *кружево* становится прозрачной его внутренняя форма. В позиции между словами *вечное* и *минуты* (“в вечном кружеве минут”) сильно ощущается отглагольность этого существительного: *кружево* - *кружить*. Не случаен и такой образ, как *ткань времени, разрывы ткани*. Он вполне соответствует волошинскому пониманию времени. *Разрывы ткани* - это эксплицитное указание на дискретность времени, а две последние строки выражают возможность прикоснуться к вечности через мгновение. Как уже отмечалось, вечность противопоставляется времени как недискретное дискретному. С помощью вечности автор пытается соединить “разомкнутые звенья” в цепи бытия. Причем вечность здесь мыслится не как бесконечное умножение времени. Для нее характерно наличие особой качественности :

Вечность с жгучей пустотою

Неразгаданных чудес...;

(“По ночам, когда в тумане...”)

Когда ж уйду я в *вечность* снова?

И мне раскроется она,

Так ослепительно ясна,

Так беспощадна, так сурова

И звёздным ужасом полна!

(“По ночам, когда в тумане...”)

Такое понимание вечности не имеет ничего общего с вечностью христианской, ибо христианская вечность не может быть ни ослепительно ясна, ни, тем более, беспощадна и сурова. В связи с этим интересна также семантика следующей строки :

В вечных поисках истоков

(Я люблю в себе следить
Жутких мыслей и пороков
Нас связующую нить).

(“По ночам, когда в тумане...”)

Как отмечает Т. А. Яценко, слова с доминантнойемой ‘начало’ могут выражать идею каузальности. А поскольку поиски истоков, т. е. причин, вечны (“в вечных поисках истоков”), они не приводят к *causa finalis*. Отсюда также видно, что вечность у Волошина - не христианская вечность, которая вообще не занимается поиском причин.

Кроме того, пытаясь соединить не только время, но и пространство, Волошин использует образ пространственной вечности - бесконечность :

Когда ж зеркальность тишины
Сулит обманную беспечность,
Сквозит двойная бесконечность
Из отражённой глубины.

(“И день и ночь шумит угрюмо...”)

Оксюморон “двойная бесконечность” представляет собой не просто соединение несоединимых понятий, а и вовсе лишён смысла, если рассматривать его с точки зрения обыденного сознания. Однако в мотиве удвоения заключён глубокий и архаический смысл. Удвоение в архаическом мифомышлении всегда магично. Речь, к тому же, идёт об удвоении бесконечности с помощью отражения, что имеет особое значение.

Если в цикле “Когда время останавливается” автор стремится выразить нестабильность времени, его подверженность разного рода изменениям, то в цикле “Киммерийская весна”, напротив, доминантой является неотвратимость и необратимость времени. А вместе с тем постоянно здесь тема возвращения, повторения, цикличности.

Собственно временная лексика в этом цикле занимает небольшое место по сравнению, скажем, с лексикой цветообозначения. Слова, обозначающие время, встречаются 32 раза. Причем любопытно, что в этом “весеннем” цикле встречаются слова *февральский* (вечер), *зима*, *июньские* (ливни) и слово *осень* в ключительном стихотворении. Слово же *весна* встречается два раза и прилагательное *весенний* - один раз.

Сквозной темой, лейтмотивом всего цикла является, по нашему мнению, повторение, возвращение, но и необратимость времени. На первый взгляд, эти две тенденции кажутся абсолютно противоположными и несовместимыми. Однако они не более несовместимы, чем наши календарные представления и современное научное представление об однонаправленности и необратимости времени. Само же время выступает здесь как бы в двух ипостасях: с одной стороны, время - это активное начало, которое способно оставлять морщины, шрамы и рубцы на всём, к чему оно прикасается (“И мысль, читая смывое веками, / Подсказывает ночь, тревогу, пламя...”); с другой стороны, время - это стихия, бездна, которая поглощает всё сущее (“Гаснут во времени, тонут в пространстве / Мысли, события, мечты, корабли...”).

Мотив возвращения присутствует уже в первом стихотворении цикла: “Я *вновь* пришел - к твоим ногам” и анафорические строки:

Всё *так же* пуст Эвксинский понт
И *так же* рдян закат суровый,
И виден *тот же* горизонт,
Текучий, гулкий и лиловый.

И все это соотносится со словом *покой* в первой строке: “Моя земля хранит *покой*”. Кстати, если говорить о символике цвета, то лиловый цвет издавна считался как бы атрибутом времени, символизируя его глубину, объективность, “надбытийность”. Слово лиловый встречается в цикле 4 раза.

Вероятно, с целью подчеркнуть мотив возвращения в “Киммерийской весне” Волошиным выбраны преимущественно слова-показатели циклического времени. Е. С. Яковлева указывает, что именно они описывают стабильное положение дел на определённом отрезке времени. В стихотворении “Коктебель” два раза используется показатель цикличности *пора*:

С *тех пор*, как отроком у молчаливых
Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я - душа моя разъялась,
И мысль росла, лепилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов
и
Моей мечтой с *тех пор* напоены
Предгорий героические сны.

Повторяемость подчёркивается и использованием показателей времени во множественном числе: “И медных солнц гудящие *закаты*...” (“Города в пустыне”); “В *дни* страннической и бездомной / Пытливой

юности моей” (“Пустыня”). В стихотворении “Каллиера”, напротив, звучит мотив конечности и необратимости времени:

Зубец, над городищем вознесённый,
Народ зовёт “Иссыпанной короной”,
Как знак того, что *сроки истекли*,
Что судьб твоих до дна *испита мера*...

Идея конечности здесь выражается не только показателем времени *сроки* и показателем количества *мера*, но и глагольной лексикой: *иссыпанной*, *истекли*, *испита*. Нельзя не обратить внимания на префикс *ис-*, обозначающий исчерпанность действия. А образ *Иссыпанной короны* вызывает ассоциацию с песочными часами, которые как бы служат иллюстрацией конечного отрезка времени.

Выше уже было сказано об относительной незначительности влияния христианской теологии на творчество Волошина, что в сочетании с пантеистическим мировосприятием рождает удивительные образы:

И ветви тянутся к просторам,
Молясь *Введению Весны*,
Как семисвечник, на котором
Огни ещё не зажжены.
 (“Звучит в горах, весну встречая...”)

Однако не только временная лексика в контексте волошинских стихотворений выражает идею времени. Это ещё и слова, которые являются как бы метафорами времени: *путь*, *дорога*, *ступени*, *судьба*. Как отмечает

В. Н. Телия, метафора является одним из способов создания языковой картины мира, особенно для тех сфер действительности, которые не даны в непосредственных ощущениях. Это тоже время, но время, подразумевающее обязательное присутствие человека, принадлежащее человеку, отмеренное ему: “Нагорной степью *путь* мой уходит вдаль”.

Думается, не случайно здесь и слово *нагорный*, ведь именно в Нагорной проповеди Иисус Христос указывает путь к блаженству на небесах. Употребление слов *путь*, *дорога*, *ступени*, однако, не носит окказионального характера, и эти слова лишь отчасти могут быть причиной “чувства времени” в стихах Волошина.

Главная же причина, скорее, в другом: вся поэзия Волошина основана на его особом понимании времени, согласно которому время дискретно, а его разделение на прошлое, настоящее и будущее условно. Единственное, что обладает непрерывностью, цельностью и неуничтожимостью, - это память. Слова, производные от слова *память*, встречаются в “Киммерийской весне” всего дважды, но в ключевых стихотворениях цикла:

...Потом плыви скорее прочь.
Ты *завтра вспомнишь* только ночь,
Столпы базальтовых гигантов,
Однообразный голос вод
И радугами бриллиантов
Переливающийся свод.
 (“Карадаг”);
Как *незапамятно* и строго
Звучал *из глубины веков*
Глухой пастуший голос рога
И звон верблужьих бубенцов.
 (“Пустыня”).

Примечательно, что рядом со словами *вспомнишь* и *незапамятно* находятся собственно показатели времени *завтра* и *из глубины веков*.

Память представляется Волошиным не как индивидуальная человеческая, но и как своеобразная память + прапамять, живущая в каждом человеке “Всегда. Теперь. Сейчас.” Как было сказано, слов, восходящих к слову *память*, в этом цикле всего два. Это не значит, однако, что ими исчерпывается данная тема в “Киммерийской весне”. Во множестве представлены слова, связанные с понятием памяти и служащие как бы его материализацией. Это следы, которые оставляет в памяти земли время. Они представлены в самых разных вариантах: *след*, *морщина*, *складка*, *могила*, *окаменелый костер*, *быков обугленные ребра* и *камни грубых алтарей*, *черепки*, *остатки*. В этом смысле весьма созвучно волошинскому мировоззрению высказывание Х. Л. Борхеса: “Слова - это символы, постулирующие общие воспоминания” [2, с. 136]. Доказательством того, что следы являются материальным воплощением памяти, может служить сопоставление двух отрывков:

Соседний холм *насыщен* черепками
 (“Каллиера”)

и

Будь *памятью насыщен*, как земля
(“Дом поэта”).

Все следы, остатки, черепки заполняют память земли и неотделимого от неё человека, составляют её сущность. В этом отношении показательны также стихотворения “Города в пустыне” и “Пустыня”:

Безвестных стран разбитые заставы.
Могильники забытых городов.
Размывы, осыпи, развалины и травы
Изглоданных волною берегов.
(“Города в пустыне”);
Откуда *некогда*, бушуя,
Людские множества текли,
Орды и царства образуя
Согласно *впадинам* земли...
(“Пустыня”).

Как видно из последнего отрывка, в стихотворении “Пустыня” присутствует и собственно временная лексика. Причем выбрано именно слово *некогда* (а не *когда-то*, также возможное в данном контексте) в силу своей преимущественной употребительности в сказках, легендах и, вероятно, в силу семантики значительной временной дистанции и даже ирреальности описываемого события. Интересен также в этом стихотворении образ “звездного дерева времён”:

А по ночам в лучистой дали
Распахивался небосклон,
Миры цвели и отцветали
На звездном дереве времён.

Слово *миры* (мн. ч.) в сочетании с образом дерева вызывает ассоциацию с “садом расходящихся дорожек” Х. Л. Борхеса, который также является метафорой времени (кстати, в следующей строке употреблено слово *ветвистый*, которое, видимо, тоже имеет отношение к образу времени-лабиринта; времени, которое реализует все существующие в каждый данный момент возможности).

И даже, казалось бы, совершенно не связанные со временем образы, такие, как “быльём поросшая межа”, могут порождать временные ассоциации, соотносясь в сознании читателя с фразеологизмом “было, да быльём поросло”. Не стоит, однако, думать, что “быльём поросшая межа” или, скажем, “нагорной степью путь мой уходит вдаль” - это лишь метафоры. Как отмечает Е. О. Чернейко, “всякий текст, а стихотворный в особенности, - и источник для реконструкции стоящего за ним объекта, и сам объект во всей его реальности. Текст может представлять собой модель вполне реального, видимого мира. Нереальной, воображаемой оказывается при этом позиция наблюдателя в пространстве” [13, с. 66].

Итак, для Волошина-поэта характерно совершенно особое восприятие и отражение категории времени, в соответствии с которым функционирует в его стихах временная лексика. Кроме того, не только слова, обозначающие время, но и другие словообразовательные, лексические, морфологические и синтаксические средства используются им для выражения идеи времени. Все выявленные закономерности отражения категории времени связаны с мировоззрением и мировосприятием Волошина и могут быть обобщены словами самого поэта - заключительными строками из стихотворения “Дом поэта”:

Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

Список литературы

1. Блаватская Е. П. Тайная доктрина. - М.: Сиринь, 1993.
2. Борхес Х. Л. Проза разных лет. - М.: Радуга, 1989.
3. Волошин М. Коктебельские берега. - Симферополь: Таврия, 1990.
4. Волошин М. Стихотворения. - М.: Книга, 1989.
5. Волошин М. *Homagedon* // VIII и IX Волошинские Чтения. Материалы и исследования. - Симферополь: Крымский архив, 1997.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т. - М.: Русский язык, 1978-1980.
7. Жарких В. Б. Мгновение и вечность. // VIII и IX Волошинские Чтения. Материалы и исследования. - Симферополь: Крымский архив, 1997.
8. Куприянов И. Т. Судьба поэта. - К.: Наукова думка, 1979.
9. Материалы Волошинских Чтений 1991 года. - Коктебель, 1997.
10. Пинаев С. М. Поэт мгновений и вожатый времени. // VIII и IX Волошинские Чтения. Материалы и исследования. - Симферополь: Крымский архив, 1997.
11. Словарь русского языка: В 4т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. - М.: Русский язык, 1981-1984.
12. Телия В.Н. Метафора в языке и тексте. - М.: Наука, 1988.

13. Чернейко Л.О. Способы представления пространства и времени в художественном тексте. // Филологические науки, 1994, №2.

14. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). - М.: Гнозис, 1994.

15. Яценко Т.А. Каузальные связи в поэзии и прозе М. Волошина. // VIII и IX Волошинские Чтения. Материалы и исследования. - Симферополь: Крымский архив, 1997.